

Работа
с
детьми

СВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Г. Москва

27 ДЕК 1986

ТЕАТР, ДЕТИ И МЫ

ПОСЛЕДНЯЯ СТРОКА В АФИШЕ

Как-то на очередном совещании я попрощал слово последним.

— Что же вы так поздно, Владимир Константинович! — спросили меня.

— А я — согласно афише. Ведь в сводной московской афише Театр юного зрителя значится в самом конце.

Для меня и для моих товарищей по театру в этом есть что-то символическое. Мы давно чувствуем себя так, словно бы помещены в последний вагон длинного театрального состава. Это у нас, как заметил Л. Устинов, «и труба понижее, и дым пониже».

Прочитав ряд публикаций под рубрикой «Театр, дети и мы», я отчасти нашел в них объяснение своим горьким мыслям. Мне случилось говорить с драматургами. И не раз, предлагая им отдать в Мтюз на постановку свое творение, я видел, как они стыдливо отводили глаза. Не доверяли. Не верили в возможности нашей режиссуры, актеров. Знали, что, если пьесе сыграют более или менее удачно, премьера пройдет тихо, незаметно.

...Помню, как на спектакли Мтюза собиралась театральная Москва. Независимо от того, были ли наши спектакли событиями в жизни города или нет, у всего этого был другой уровень. Критика это чувствовала. Критика знала, что мы — Театр — в первую очередь. Знали это и актеры. Я, сорок лет проработавший в Мтюзе, испытал ни с чем не сравнимое наслаждение игры в ансамбле, работы с полной отдачей рядом с единомышленниками и под руководством настоящего художника, каким был П. Цетнерович. Мы стремились говорить со своим зрителем откровенно, хотя, были времена, это давалось гораздо труднее, чем теперь. Я не помню в своей молодости такого случая, чтобы мы по окончании репетиции схватили шапки и — бегом из театра. Мы не хотели расходиться, просили повторить тот или иной кусок.

Скажут, тюзовский актер слишком мало зарабатывает, чтобы стремиться к творчеству. Спорить не стану, оклады действительно мизерные. И все же, все же...

Мы ведь тоже получали немного, но в театре царил атмосфера высокой творческой требовательности. У нас ценились инициатива, выдумка. Нам было интересно. Честное слово, я уверен — и нынешние наши молодые актеры «выше сытости». Будь в нашем театре сегодня обстановка творческая, горячая, заинтересованная, они бы чувствовали себя иначе и играли, и репетировали бы в полную силу. Я пристально наблюдаю за моим младшим товарищем по театру Николаем Денкиным, че-

ловком, безусловно, одаренным, преданным театру, любящим работать. Смотрю я на него и с горечью думаю, что ему неведомо полноценное чувство актерского счастья, ощущение того, что он нужен зрителям, интересен профессионалам.

Для нашей молодежи стало сегодня нормой не ждать ролей, а то и отказываться от них. Понять можно: лучше высвободить время для съемок или радио, так как в собственном театре ничего интересного не сыграешь и успеха все равно иметь не будешь. Атмосфера творческой власти, нетребовательности, «уравниловки» привела и к тому, что актеры как бы потеряли чувство реальности, плохо себе представляют собственные возможности, а потому явным без всяких на то оснований кажется, что они могут все. Неоснованные претензии, неудовлетворенные актерские амбиции могут завести далеко. И вот уже молодые актеры отказываются от физических нагрузок в спектаклях, от тренинга. В одной из постановок я по ходу роли должен был плеснуть через плечо воду в стоящего за моей спиной партнера. «Как, прямо в лицо?» — с чувством оскорбленного достоинства спросил меня коллега. Вот так, незаметно теряем мы ощущение профессии, готовности к трудностям самого разного рода.

«Театр на обочине» — так язвительно называл Мтюз критик на страницах одной из центральных газет. Трудно с этим не согласиться. За последние годы в театре не было поставлено ни одного спектакля, который обратил бы на себя внимание театральной общины. Репертуар уже давно подбирается по принципу: лишь бы не было недовольных. Такое положение вещей долго всех устраивало. Спокойно жило руководство театра. Ну в самом деле, что лучше иметь у себя в подчинении: коллектив с яркими, порой строптивыми индивидуальностями, способный на непрограммируемые шаги, или послушное учреждение, в которое можно «спустить» любое указание?

Самое печальное, что и зритель наш не бунтовал. Дети — народ благодарный, и уж если приведут их в театр, то они свои положенные часы обязательно высидают. Вот только старшекласники иногда подводят. Говорят папе с мамой, что в театр пошли, а сами проводят время куда более интересно.

Когда-то в пьесе В. Коростылева «Варшавский набат» я играл Януша Корчана. Был у моего героя монолог о детстве, как об особой, необыкновенно содержательной поре, которую большинству взрослых не дано понять.

Боюсь, что это впрямую относится и к тем взрослым, которые «руководят» культурой. Иначе никак не объяснишь поразительное равнодушие к судьбе одного из главных детских театров страны. Московский тюз единственный на сегодняшний день в городе не имеет Малой сцены. И это в то время как столетним школьникам катастрофически не хватает мест в детских театрах. Нет у Мтюза и студии, а значит, мы уже много лет не имеем возможности воспитывать актеров для себя. Ведь труд актеров детского театра — труд особый. У нас же на все это один ответ: «тюзовские проблемы» — синоним чего-то второстепенного, не заслуживающего серьезного внимания. Вот и в нынешнем сезоне наш театр, оставшись без главного режиссера (Ю. Жигульский свой пост оставил), не знает, что ждет его завтра. А сегодня труппа, как никогда, нуждается в лидере, в человеке талантливом, с сильной творческой и административной волей. Только такому под силу «свинтить» разболтавшийся за многие годы механизм, вывести Московский тюз «с обочины» на широкую дорогу искусства.

Сегодня пришла в Мтюз очередным режиссером Г. Яновская. Имя это достаточно хорошо известно и театральной общественности, и зрителю. Но творческий авторитет — это еще не все. Мы слишком хорошо знаем, как существенно отличаются полномочия очередного режиссера от полномочий главного. А нам предлагают режиссеров на одну-две постановки. Называют хорошие, авторитетные имена. Но ведь это положения не спасет.

Но вернемся к «тюзовским проблемам». Нет таких проблем. Есть проблема «театра» и «не театра». Сегодня все молодеет в нашей общественной жизни: спорт, наука, система управления народным хозяйством. В 15—16 лет мы уже имеем дело с индивидуальностями. А в тюзях все живем по старинке, все заигрываем, сюсюкаем с теми, кто, я серьезно подозреваю, посмеивается над нами свысока.

Вот уже несколько лет я встречаюсь с ребятами из детдома № 48. Каждый раз не устаю радоваться тому, как жадны они до эстетических впечатлений, как радуются приезду актера. После таких встреч я всегда думаю, что не напрасно прожил жизнь, что дело мое необходимо, что подластно театру многое. Если, конечно, относиться к делу серьезно и честно.

В. ГОРЕЛОВ,
народный артист РСФСР.